

Елизавета Сергеевна Мартынова (Данилова) родилась в городе Саратове. Окончила Саратовский государственный университет. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Волга — XXI век», «Луч», «Подъём», «Введенская сторона», альманахе «Новые писатели России», сборнике «Новые имена в поэзии». Автор книг «Письма другу», «На окраине века», «Свет в окне», «Собеседник». Лауреат премии имени Юрия Кузнецова журнала «Наш современник». Главный редактор журнала «Волга — XXI век». Живет в Саратове.

Елизавета Мартынова

ПОИСК ПОДЛИННОСТИ

У каждого из нас есть какая-то сущностная черта, которая определяет все остальное: характер, поступки, стихи, судьбу. У Валерия Кремера такой сущностной чертой, полно отразившейся во всем им написанном, в стихах и прозе, был поиск подлинности. Не правды, не истины (истинности), а именно подлинности — «настоящего».

Людей Валерий принимал такими, как есть, никогда не осуждая никого. Единственное, что его могло оттолкнуть от человека, — ложь, фальшь, отсутствие той самой внутренней подлинности. А сочувствия и понимания в нем было много. Потому, может быть, и к Валерию многие хорошо относились: он умел слушать. И не просто слушать, но и понимать своего собеседника.

Он и сам знал об этой своей особенности, умении принимать мир и людей. Одно из ранних стихотворений, «Прозрачное пространство», как нельзя лучше говорит о ней.

Я не хочу никого заслонять.
Никого.
Пусть сквозь меня
Будет виден весь мир,
Со всеми своими
Остриями,
Звездами
И рваными ранами.
Я хочу стать
Прозрачным пространством.
Не призрачным,
Не разочарованным,

Не разорванным,
А прозрачным.
Не распиливайте меня
По частям.
Вы все,
Все уместитесь
В моем сердце...

Дар сочувствия, понимания другого человека predetermined и его путь: ему в равной степени удавалась и преподавательская, и журналистская работа. Был учителем в сельской школе, методистом в отделе образования, сотрудником «Деловой газеты» в Саратове. Конечно, все это отразилось и в его стихах, и в прозе: рассказах, эссе, дневниках.

К стихам, своим и чужим, Валерий Кремер относился иначе, гораздо строже, чем к людям. Для него не было разницы между формой и содержанием стихотворения, его суть и форма — одно, и любая излишняя виртуозность для него тоже становилась фальшью, как все показное. Стихотворение — суть человека, говорил он мне, в написанном на бумаге автор виден, как на ладони, в нем, стихотворении, проявляется все его человеческое существо. И никакие показные метафоры, сравнения и прочие «завитушки вокруг пустоты» не делают стихотворение стихотворением, не спасают написанное в рифму от этой самой пустоты.

Стихотворение должно быть голосом самого человека, мыслью и чувством, которые обрели звучание. Поэзия, стихи — это Путь, а не убежище. В настоящих стихах «спрятаться» нельзя. И научить писать стихи тоже нельзя. Можно только научиться. Научиться слышать свою внутреннюю музыку и принять музыку других, как свою, если она тебе близка.

Ты в битву музыки и речи
Ворвался, сам не зная как,
Разжав и голос, и кулак,
Боль, как ребенка, взяв на плечи.

Стихи Валерию Кремеру давались легко, и написанию их не мешали никакие обстоятельства. Как будто бы внешняя жизнь шла своим чередом, а его, поэтическая, — своим. Он мог сесть и написать стихотворение сразу, за пять минут, без помарок, без черновиков. Он не думал с ручкой в руке над листом бумаги. Но это происходило так только потому, что в душе у него шла постоянная внутренняя работа, которая и была поиском подлинности, поиском себя.

Опять предчувствует душа.
И ждет. Руки, лица, поступка,
Чьего-то взгляда, крика, стука
Ждет напряженно, не дыша.
И не помочь. И не спасти.
Не утаить себя от взрыва.
От строчек нервных, торопливых,
От слов, что не произнести,
От мук беззвучия, бессилья...
Хватать луч света за окном,
Всю ночь искать. Найти лишь днем.
И рухнуть. И почуять крылья ...

Валерий Кремер был занят внутренней своей действительностью настолько, что внешняя реальность его интересовала мало. Существование внутри музыки напроць лишало мелочности, желания о чем-то просить, чего-то добиваться специально: книг, публикаций, выступлений, критических отзывов.

Трудно представить, чтобы он попросил кого-то написать о себе. Конечно, он

радовался, когда о его книгах писали критики Наталия Тяпугина, Иван Васильцов, журналист Алексей Голяков, радовался статьям в местной прессе о творческих вечерах. Но эта радость никак не была связана с тщеславием, оно было Валерию чуждо.

Кроме того, его стихи не были связаны с теми внешними обстоятельствами, которые дают новостной повод: каким-нибудь праздником, днем города, например, или полетом в космос. Ведь СМИ, как правило, «извещают» о тех произведениях, которые или привязаны к чему-то (кому-то) тематически, или получили какую-то премию. Кому нужны стихи, связанные с поиском Себя, или поиском своего Пути в то время, когда все стараются от себя убежать? Убежать куда угодно, только бы с Собой, своей душой не встретиться.

Мотив «встречи с Собой» всегда был для Валерия Кремера важен. Приведу полностью стихотворение «Инвентаризация», целиком построенное на метафоре «заглянуть в душу», разворачивающее эту метафору.

Тянулись прощанья и вязкие споры.
Минуты слипались в одну.
И в поисках света и точки опоры
Он в душу свою заглянул.
Там было темно. И, отбросив уловки,
На риск небывалый идя,
Он стал опускаться в нее по веревке,
Фонариком детским света.
Пространство ее расширялось и длилось.
В нем луч прорезал, как ножом,
Лишь щели. В нем что-то враждебно таилось,
Как в доме уснувшем чужом.
Безрадостны поиска были итоги:
Высвечивал луч по щелям
Вчерашних обид запыленные клоки
И прочий нестоящий хлам.
Ладони слабели. Веревка качалась,
И начал фонарик мигать.
Душа пустотелая все не кончалась,
А стоило ль дальше искать?
Секунды звенели вверх, как подковки,
И мысли хлестали, как жгут:
«Замешкайся, только и ждут,
Возьмут — и ножом по веревке...»
Добычей имея узор паутины,
Он вылез, замерзший, без сил.
Куда-то блестящие мчались машины.
«Такси! — закричал он. — Такси!»
Запела резина, не чувствуя фальши,
Он дверцу поспешно рванул.
«Куда Вам?» — «Подальше. Как можно подальше».
И галстук, как шов, затынул.

Пустота души — самое страшное, что может быть. И неизвестно, что страшнее: осознать эту пустоту или так и жить, не зная о ней.

И эта пустота так и останется, если человек не перестанет бояться сам себя и не начнет поиск своего Пути.

Если ты ищешь путь,
Он лишь один — Путь травы,
Взламывающей асфальт,
Чтобы стать собой.

Путь для Валерия Кремера — это не просто ключевое слово, а главное в его поэзии. Когда поэт не боится жить, он движется, ищет, проходит свой путь. Ведь Путь — это не только он сам. Путь — это все, что его окружает, что его любит или не любит, принимает или отторгает. Это путь через время — к любви и постижению себя во времени, в любви, в Боге.

Конечно, стихи Валерия Кремера отражают свое время — не публицистически, не газетно, а скорее — через сознание человека, который в этом времени жил. Прекрасно сказала об этой особенности критик Наталия Тяпугина: «Стихи Валерия Кремера мудры и оригинальны, как сама жизнь, проникнуты глубоким душевным чувством и болью. Они рождают тот бередящий наплыв чувств, что и есть доказательство подлинности дара. Это дар, который дает право поэту говорить, о чем ему надобно: о любви, ее могучей силе и незащитности; о времени, бесконечно текущем и так быстро иссякающем; о своем поколении. Валерий Кремер откликнулся на свое время талантом, опытом, жизнью, страданием и выраженной в слове любовью».

Многие стихи преодолевают время — и становятся притчей, применимой к любому времени, любой эпохе. Характерны в этом смысле стихотворения «Слепые летчики», «Поколение ноль» и многие другие — из книги «Время Вдоха»:

Не вместить никак в монету
Русских душ неясный гул.
Счастье где-то, где нас нету,
А на нашем берегу
Лишь мечтанья о шинели
Да несчастья уму,
Странный свет в конце туннеля —
Проводник из тьмы во тьму...

Валерию Кремеру важно было выразить суть. И понять, как человек, его совесть — существуют в подчиняющем их мире. Как он сопротивляется или смиряется со своим временем. И как время само становится мифом, символом, переключаясь с классической поэзией. Потому и отсылки к произведениям классики не случайны, они спрятаны в сердцевине многих его стихов:

Открой окно. Вдохни сто граммов пыли.
Ведь все равно мы жили, но не были.
И не узнать нам, сколько до конца:
До тонны пыли иль куска свинца.
Мы жгли мосты и корабли топили.
Куда ж нам плыть? Когда уже приплыли?
Когда известны роль, король, пароль.
И путь кремнист. Но парус съела моль.

Своими стихами о времени Валерий Кремер отличается от многих современных поэтов, которые зачастую выбирают для отражения (выражения) времени или только прямо высказывание, или привычные языковые штампы. К штампам у него было стойкое отвращение после многолетней работы в газете. Понятно, что в этой работе без штампов не обойтись, но угнетала невозможность до конца сказать правду.

Как вдохновенно, как упруго
Несется звонких слов поток.
Слова легко плодят друг друга,
Чтоб заглушить души зевок.
Они играют так искусно
Поступка, мысли, чувства роль.
А вздох правдивей слова «грустно».
А стон правдивей слова «боль».

Безысходность, трагичность времени можно преодолеть только любовью. Это та сфера, в которой человеку и труднее, и легче найти свой Путь, потому что она дышит подлинностью.

Ты вся навстречу, словно дождь.
Ты улыбнешься, проходя,
И по душе моей скользнешь
Хмельною свежестью дождя.
Да будет радостен твой путь
По невесомому лучу!
Мы встретимся когда-нибудь:
В жару я ветром прилечу.
Кто сердцем тронул эту нить
Дождя, полета и пути,
Тот знает, что дождю — дарить,
Душе — любить, траве — расти...

И в прозе Валерий Кремер говорит о том же: «Жизнь — бесконечное количество возможностей. Но мы живем так скудно, убого, довольствуясь лишь крохами радостей, и не умеем наслаждаться тем, что можем видеть, слышать, чувствовать, петь, танцевать, любить, прикасаться пальцами и губами к нежной плоти бытия.

Почему нами управляют страх, условности, придуманные кем-то для своей выгоды правила? Ведь победить можно только любовью.

Любить небо и землю, облака и деревья, все живое и дышащее. А главное — людей. Ближних и дальних. Жить внутри любви. Пусть несчастные дерутся, мечутся, отнимают друг у друга копейки и крошки. Не нужно хватать их за руки, угрожать, заклинять. Утративших разум и человечность ничем не остановишь. Надо противопоставить им любовь, окружить любовью, взять любовью в плен. Это будет магнитом, который постепенно притянет всех. И перетянет...» («Спрятанный свет»).

Любовь — попытка себя найти в этом мире, найти отражение самого себя, обрести гармонию с миром, осознать единство, подлинность существования.

Не плачь: все оживет опять.
Залижут раны лес, река.
И ощутит твоя щека
Дыханья жизни благодать.
Обнимет вновь строку строка,
Моя ладонь твою найдет,
Мы тоже лес и облака.
Ты слышишь: нами жизнь поет...

Именно стихи о любви уравнивают тяжелые, мрачные произведения о времени в книгах «Путешествие к Центру Вихря» (2005) и «Свидетельства о жизни» (2007). Любовь и есть то самое «свидетельство о жизни», единственный луч и единственный свет, спасающий от безнадежности, из тупика, позволяющий выжить во времени, которое всегда жестоко, всегда не наше.

Что касается жизни,
То все, как и прежде:
Вор ворует, властители лгут.
Мчатся птицы на юг, листья жгут,
Сердце бьется в привычной надежде
На счастливый исход.
Не успеешь моргнуть — Новый год.

Что касается счастья,
Ты спишь под моею рукой —
Самый вольный покой.
Вдруг вздохнешь
И глаза распахнешь,
В них любовь, как вчера, как всегда.
Значит, все не беда.
Пусть полеты летальны,
И в воздухе дальнем
Затаилось паденье, как тать,
Ты со мной —
Жизни отклик живой.
Ради этого стоит летать.

Когда я читала — и читаю — стихи Валерия Кремера вслух или про себя, меня всегда поражали и радовали их живые, разнообразные интонации, четкость формулировок, точность поэтической речи. Ранние стихи более афористичны, но при этом многие из них сложнее образно, метафорически. Поздние — проще и музыкальнее. Они не утратили своей поэтической точности, но стали иными, менее плотными образно, более прозрачными.

В этом смысле интересно привести стихотворения «Сон» (2007) и «Остров» (2021). «Сон» — вроде бы привычно-романтическое название. Сон во сне... Жизнь как сон, любовь как единственная реальность. Но это четко сюжетное стихотворение: два берега, две реальности. Миф о любви, которая позволяет быть живым.

Когда сомкнется холода кольцо
И завьют — не выйти на крыльцо,
Уснут земля в снегу, вода в оковах.
Когда сомкнется холода кольцо,
Я буду вспоминать твое лицо,
Волос траву и голос родниковый.
Ты мне не дашь застыть, окостенеть,
Ты будешь так в душе моей звенеть,
Что станет жарко и утихнет вьюга.
Пусть мы на разных берегах реки,
Солжет, кто скажет: «Как они близки!»
Мы не близки — мы проросли друг в друга.
Здесь на далеком мертвом берегу
Я от безумств усердно берегу
И легкие, и печень, и аорту.
Вокруг обманно-мертвые слова
И рифмы, как пароль: трава — мертва,
Чтоб знали: я — как все, такой же мертвый.
Но ты толкнешься вдруг, и я смогу,
Смеясь, остановиться на бегу
И ощутить: растет в гортани слово.
Я оживу на несколько минут,
И все меня с опаской обойдут,
Издалека почувствовав живого.

Стихотворение «Остров» — развернутая метафора одиночества и уединения. Но она вмещает сразу несколько музыкальных тем: одиночество, творчество, любовь. Простое прозрачное стихотворение — странник нашел свой остров, сюжет замкнулся, и поиск тоже идет к завершению.

Всегда один. Всегда с самим собой.
Так было с детства. С дальних тех минут.
Теперь он округлился, остров мой,
Который одиночеством зовут.

Здесь хорошо. Здесь птицы и цветы.
Нет толкотни и сплетен, и вранья.
И знание, что где-то рядом — ты.
Моя навек. Одна. Навек моя.
Когда мне вдруг невмочь, и жизнь — беда,
И я забуду, этот остров где,
То ты ко мне приходишь иногда
По верной, затвердевшей вмиг воде.
И все, как прежде, мы с тобой вдвоем —
И говорим о жизни, говорим.
Потом друг друга за руки берем
И словно свечи, до утра горим.

Лирический герой Валерия Кремера движется от желания сделать гармоничным окружающий мир — к тому, чтобы достичь мира внутри себя. Это и есть цель верующего человека, думающего о своей душе и интуитивно знающего о бессмертии. («О, как поверить я хочу / Объятьям вечных крыл! / Я шел по звездному лучу / Сто раз. Я лишь забыл...»), это и есть его путь — поиск смысла:

Ты ищешь смысл, а смысла нет.
Жизнь движется сама собой.
И там, в кружении планет,
Лишь вечный сон и вечный бой.
Но человек душой своей
Не в силах этого понять.
Он ищет смысл: он кто? Он чей?
И хочет истину обнять.

Если в первых книгах Валерия Кремера путь — понятие скорее философское (Путь — то, что впереди), то в последних книгах («Других днях», «Страннике», «Острове») путь — то, что уже совершилось или совершается как сама жизнь, как течение жизни. В первых книгах — это чисто символическая изменчивость лирического «я», его текучесть.

Никому никуда никогда не дано возвратиться.
Ты глядишь мне в глаза, только кто я — никак не поймешь.
Ты меня еще помнишь камнем, а я уже птица.
Ты меня уже видишь свечой, а я еще дождь...

Автор книг «Время Вдоха» и «Острова» — один и тот же человек, просто находящийся в разных точках жизненного пути. Во «Времени Вдоха» он этот путь начинает — поэтому и книга называется так, поэтому она полна надежд. Ее основная интонация светлая и радостная, и зло — несмотря ни на что — кажется преодолимым.

Порыв иссяк. Утихла дрожь.
Огонь свечи погас.
Нас снова заманили в ложь.
Уже в который раз.
Что ложь огня, что темноты —
Их равнозначен куш.
И одинаково пусты
Сосуды лживых душ.
Их позолоченная медь
Звенит одно и то ж:
Что правде — время умереть.
Но это, к счастью, ложь.

Свет надежды всегда оставался в его книгах. Но изменяется тональность, исчезают иллюзии. Исчезают и трансформируются пространство и время, наступают «другие дни», а предчувствие Пути оборачивается постоянным странствием («Странник»).

Умереть и заснуть
В октябре или в марте.
Этот пройденный путь —
Только точка на карте.
Остается идти
И идти поневоле,
В этом долгом пути
Столько счастья и боли.
В этом долгом пути
Одному научился —
Говорить: «Ты прости,
Я запутался, сбился».
Но осталось одно,
Как награда и праздник —
Дорогое окно,
Что прощает и дразнит.

«Остров» — конечная точка пути. Именно в последних стихах поэт говорил о том, что не готов к новому: «В том то и дело, что я понимаю, / Что не готов ни к апрелю, ни к маю, / Ни вообще ни к чему не готов». Не пессимизм, не трагизм (трагедийного гораздо больше в «книгах перелома» — «Путешествия к Центру Вихря», «Свидетельства о Жизни»), а скорее усталость и примиренность — с тем, что человеку в жизни почти ничего нельзя изменить, но можно «обрести себя». Остается надежда только на это «почти» — и на то, что Путь этот пройден был недаром.

Книга «Вода небесная светла» должна была выйти весной двадцатого года, к юбилею. Валерий сам составлял ее — из разных книг, но так, чтобы она стала единым целым.

Но в 2020 году возможности издания, презентации книги и творческого общения стали ограничены, и настроение на то, что книгу можно будет презентовать и подарить, постепенно сошло на нет.

Книга избранных стихотворений «Вода небесная светла» вышла в свет весной 2022 года, почти через год после ухода из жизни ее автора.

Это «книга о жизненном опыте человека, который отправляется в дорогу, чтобы обрести себя — и постепенно понимает, что сделать это можно, только если радостно и трагично, ценой обретений и утрат познать свою душу, которая необъятна как вселенная».

Главы в «Избранном» расположены в хронологическом порядке. Одна из сборника «Время Вдоха» (стихи, написанные с 70-х годов прошлого века до 2000 года) вошла в избранное полностью — автор считал ее самой удачной из всех...

Затем — отобранные стихотворения из основных сборников («Путешествия к Центру Вихря», «Свидетельства о жизни», «Под небом молодым», «Другие дни», «Странник») и новые стихи из неопубликованной книги «Остров». Завершает избранное проза из сборника «Спрятанный свет»: миниатюры, рассказы, короткая повесть, эссе.

Главы прозы Валерия характерны предельный лаконизм, точность формулировок — такое «короткое дыхание». Валерий говорил, что написать большую вещь у него не получается, хотя желание такое было, и со временем повести распались на отдельные рассказы.

Многие вещи, в том числе и эссе, взяты из старых записных книжек, но записи эти фиксируют не автобиографические факты, а «внутренние» события, размышления о жизни и литературе.

Конечно, это «проза поэта». Миниатюры, маленькие рассказы, все они словно

пунктиром написаны. Главный герой в них — сам автор, его мысль — о человеческом предназначении на земле, о человеческом пути, о любви и свободе:

«Человечество объединяет и уравнивает Тайна. Мы все стоим перед лицом неизвестности и личной, и общей — огромной непостижимой реальностью и вовне, и внутри. Все остальное — идеология, наука, даже искусство — попытки ограничить Тайну. Сузить ее размеры. Как-то объяснить, привести в соответствие с логикой, моралью и так далее. Некоторым людям и даже государствам это вполне удастся. Они будто идут по узкой тропке в горах, стараясь не оборачиваться и не смотреть вниз, защищаясь от непостижимого и необъятного. От страха упасть в бездну.

Все люди — братья и сестры по Тайне. За это их стоит любить, жалеть и восхищаться ими. На нашей планете — миллиарды Тайн, миров, пространств, времен...»

Думаю, что эта книга дает представление о том, что Валерий Кремер создал в литературе — и что для него было важным в жизни и в поэзии.

